

Всемирная история

Александр МУЗАФАРОВ

ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Всемирная история (Вече)

Александр Музафаров

**Евпатий Коловрат. Последний
герой Древней Руси**

«ВЕЧЕ»

2017

Музафаров А. А.

Евпатий Коловрат. Последний герой Древней Руси /
А. А. Музафаров — «ВЕЧЕ», 2017 — (Всемирная история
(Вече))

ISBN 978-5-4444-9272-7

Имя Евпатия Коловрата известно в России каждому, кто неравнодушен к истории своего Отечества. Оно появляется в трагическую эпоху крушения древней русской цивилизации под ударом внешней силы. Это имя символизирует мужество и отвагу. Оно встречается практически во всех научных работах и художественных произведениях, посвященных Батыеву нашествию, и, значит, стало частью русской культуры. Но за именем всегда стоит реальный человек, и вот об этом-то реальном человеке нам неизвестно практически ничего. Последний герой Древней Руси остается одним из самых неизвестных героев русской истории. Порой даже сомнения высказываются: а существовал ли Евпатий Коловрат на самом деле? И остается только одно – отправиться по следам Евпатия Коловрата, в трагический и славный XIII век, когда на русские княжества обрушился страшный удар завоевателей.

ISBN 978-5-4444-9272-7

© Музафаров А. А., 2017
© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Самый неизвестный герой русской истории	6
Три обрыва национальной памяти	8
Что говорят историки?	14
Глава 1. На книжной полке	19
Глава 2. У самого Черного моря	26
Глава 3. Русская Троя	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

А. А. Музафаров
Евпатий Коловрат
Последний герой Древней Руси

* * *

© Музафаров А. А., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Самый неизвестный герой русской истории

Евпатий Коловрат. Это имя известно в России каждому, кто неравнодушен к истории своего Отечества. Оно ярко вспыхивает в трагическую эпоху крушения древней русской цивилизации под ударом внешней силы. Это имя стало символом мужества и безнадежной отваги. Это имя встречается практически во всех научных работах и художественных произведениях, посвященных Батыеву нашествию, и, значит, стало частью нашей культуры.

Но за именем всегда стоит реальный человек, и вот об этом-то реальном человеке нам неизвестно практически ничего. Лишь один письменный источник, созданный спустя много лет после описываемых на его страницах событий, донес до нас имя и краткое описание подвига «вельможи рязанского». Всего чуть более полутысячи слов – и родилась легенда, пережившая века.

Но что или кто стоит за ней? Существовал ли когда-нибудь Евпатий Коловрат на самом деле? И если существовал, то какова была его реальная судьба?

Напрасно мы будем обращаться к историческим исследованиям в поисках ответов на эти вопросы. Историки обходят фигуру Евпатия Коловрата умолчанием. И в этом нет их вины. История – наука строгая и точная. Каждое утверждение в статье или книги историка должно опираться на тщательно проверенные письменные источники или на результаты археологических раскопок, в общем, иметь твердое и достоверное доказательство. Исторические работы строятся из этих сведений, как здания из кирпича. В случае же удалого рязанского воеводы этих сведений практически нет. Нет кирпичиков – нет и здания.

Может быть, нам поможет художественная литература? Писатель ведь куда более свободен в своем творчестве, чем историк. Он может реконструировать биографию персонажа, опираясь на общие сведения об эпохе, свой вымысел, а иные места прикрыть лихим поворотом сюжета. Казалось бы, Евпатий Коловрат представляет собой идеального персонажа для исторического романа. Его имя широко известно и привлечет читателя, а отсутствие сведений, столь затрудняющее работу историков, для писателя даже удобно, так как оставляет простор для полета творческой фантазии. Конечно, созданный сочинителем образ не будет вполне достоверен с научной точки зрения, но национального сознания такая достоверность не очень важна. Сколько исторических персонажей в русской (да и не только в русской) истории стали известными и даже знаменитыми благодаря книгам? Кто бы знал короля Артура и его рыцарей, если бы не сэр Томас Мэлори? Кто бы знал д'Артаньяна, если бы не Александр Дюма? Был бы так известен Александр Маресьев, не напиши Борис Полевой «Повесть о настоящем человеке»? И таких примеров можно привести множество.

Однако при всей популярности жанра исторического романа в нашей литературе книг, посвященных отважному герою, всего три. Еще в нескольких он фигурирует в качестве персонажа. И всё! При этом ни в одной из книг авторы не делают попытки реконструировать биографию Евпатия, ограничиваясь лишь пересказом легенды. Увы, и художественная литература нам не поможет.

Как же быть? Где же искать следы отважного, но столь загадочного героя? Выше уже говорилось, что Евпатий Коловрат не просто персонаж легенды, но и символ эпохи, страшной эпохи Батыева нашествия. Но ведь как человек влияет на историю, так и историческая среда, время бытия во многом определяет его судьбу. А вот тут нам могут помочь историки. Они не занимались судьбой удалого воеводы, но вот эпоха и события были и остаются в центре внимания науки, изучающей прошлое. И сам ход событий, установленные достоверные факты, если их соотнести с легендой, могут многое в ней прояснить.

Итак, чтобы восстановить биографию нашего героя, прибегнем к методу исторической реконструкции. Попробуем наложить легенду на исторические факты и на пересече-

нии легендарного и исторического пространства обозначить основные моменты биографии «вельможи рязанского». Конечно, такая реконструкция не будет в полной мере соответствовать строгим критериям научного исторического исследования, но этот путь позволит хоть примерно, но приблизить образ реального человека, чье имя известно каждому, но мало кому о нем известно что-нибудь, кроме имени.

Хотя эта книга и не является научным исследованием, тем не менее автор считает необходимым снабдить ее ссылками на источники, чтобы читатели имели возможность более подробно ознакомиться с заинтересовавшими их вопросами.

Автор выражает искреннюю благодарность Фонду изучения исторической перспективы за поддержку в написании этой работы.

Три обрыва национальной памяти

Прежде чем перейти к обзору исторических сведений о Евпатии Коловрате, необходимо ответить на вопрос – почему в истории нашего Отечества столь много неясного и неизвестного? Почему, обращаясь к историографии, мы видим удивительное явление – историю России несколько раз «открывали» заново. Конечно, историческим знаниям свойственно не только накапливаться, но и теряться. Современники часто не считают нужным сохранить для потомков знания об обыденных и повседневных сторонах своей жизни. По понятным причинам далеко не сразу становятся известны механизмы и мотивы действий в сфере политики, дипломатии, стратегии. Такие процессы свойственны всем народам, но в нашей истории мы встречаем нечто большее – обрывы национальной памяти, когда информация о прошлом утрачивалась, и ее восстановление занимало продолжительные даже по историческим меркам периоды. Например, имя героя этой книги было совершенно неизвестно ни в XVII, ни в XVIII веке. О нем не знали ни автор «Истории Российской» Татищев, ни автор «Истории России» князь Щербатов, ни академик Миллер, ни Ломоносов – выдающиеся русские историки XVIII столетия. Лишь Карамзин впервые ввел в научный оборот сказание о Евпатии с пометкой – «Обнаружено в Новейшем летописце».

Но что Евпатий. Такие произведения древней русской литературы, как «Слово о полку Игореве», «Задонщина», «Поучение Владимира Мономаха», тоже были неизвестны в то время.

А всего лишь лет сорок назад большинству любителей истории ничего не сказали бы имена Забелина, Костомарова, Иловайского, Ольденбурга. Слышали о Карамзине, но «История государства Российского» была недоступна простому читателю.

Таких глобальных обрывов национальной памяти в нашей истории было три, и все они были связаны с трагическими перипетиями судьбы Отечества.

Первый из них – это как раз эпоха Батыева нашествия. В огне пожаров не просто сгорали книги, погибли и те, кто мог их читать. Кто знал историю и мог ею интересоваться. В руины и пепел были обращены именно те города, где интеллектуальная культура была наиболее развита, – Киев, Чернигов, Владимир... Все те знания, которые были накоплены в первые века русской истории, сгинули почти безвозвратно. Из примерно 130–140 тысяч книг, существовавших в домонгольской Руси, до нашего времени дожило лишь около пятисот¹, и среди них – ни одной летописи. И если мы что-то знаем о событиях X–XIII веков то только потому, что в тяжелое время монгольского владычества в рождающемся Русском государстве была проведена колоссальная интеллектуальная работа по восстановлению исторической памяти. Именно тогда были созданы те знаменитые летописные своды, которые являются в наше время основными источниками информации о прошлом. Изучая их, современные историки делают попытки реконструкции более древних летописей и летописных сводов.

Раздробленность русских княжеств, сыгравшая столь пагубную роль в противостоянии нашествию, удивительным образом помогла спасти память о прошлом. Не все центры русского летописания были уничтожены. Уцелели Новгород и Псков, и именно в Новгородских летописных сводах исследователи находят отрывки из сгинувших навеки рязанских. А в XIV веке борьба между Москвой, Тверью и Суздалем за первенство в русской земле шла не только на полях сражений и в придворных интригах. В каждом княжестве начали создаваться собственные летописи и сохранению памяти о прошлых годах уделяли большое внимание. В Новгородской летописи в рассказе о погроме Москвы ханом Тохтамышем в 1382 году упоминается интересная деталь – московские каменные храмы были «до сводов»

¹ Лёвочкин И. В. Очерки по истории русской рукописной книги XI–XVI вв. М.: Пашков Дом, 2009. С. 6.

заполнены свезенными в них книгами. Вместе с чтимыми святынями книги находились в самом безопасном месте осажденной крепости и, увы, погибли в огне после взятия города².

Сохранение исторической памяти было делом не только интеллектуальной элиты, но и общенациональным. На Русском Севере, в тех землях, куда не доходили ордынские набеги, сохранилась устная народная традиция. Сохранилась, развилась и укрепилась настолько, что дожила до XIX века, когда ученые начали ее записывать. Именно тогда изумленная Россия открыла для себя мир русских былин, имена Ильи Муромца, Алеши Поповича, Святогора стали частью национальной культуры, обретенной заново. Конечно, сами по себе былины не являются источником исторических сведений, но примечателен сам факт, что народная эпическая поэзия оказалась тесно завязана на историческую традицию.

Второй катастрофой для национальной исторической памяти стали события начала XVII века, известные как Смуты. Роковую роль здесь сыграл процесс централизации исторического знания в составе единого Русского государства, начавшийся со времен Ивана III. Превращение удельных княжеств в провинции и последовавший за этим переезд местных династий в столицу привели к ослаблению, а во многих местах – и к прекращению местной летописной традиции. Москва становится не только политической столицей новой державы, но и ее интеллектуальным центром. Эта централизация позволила создать такие значимые для нашей истории произведения, как Никоновская летопись (наибольшая по объему и подробности русская летопись), Лицевой летописный свод, Сказание о князьях Владимирских, Государев Родословец и другие.

Но эта же централизация привела к тому, что разорение столицы в Смуту вызвало не просто материальные потери, но и утрату исторического знания. Погибло много книг (как рукописных, так и печатных, и сам Печатный двор был разорен), окончательно прекратилась общерусская традиция летописания, но главное – погибли или умерли люди, знавшие и понимавшие важность сохранения истории. Документы говорят о том, что первым государям из рода Романовых пришлось фактически заново формировать Боярскую думу³, приказы, военную администрацию. Значительно обновился также состав Патриаршего двора и столичных монастырей. Узкая прослойка интеллектуалов, занимавшихся государственной историей, была уничтожена, а у новых государей было слишком много проблем внутри страны и во внешней политике, чтобы уделить должное внимание истории.

При этом размер утраты на уровне владения информацией заметно превосходил реальные материальные потери. В библиотеках монастырей и некоторых городов сохранилось большое количество рукописных и печатных книг XV–XVI веков, но они не были востребованы. В результате к концу XVII века утрата исторических знаний стала реальностью.

Взошедший на престол в 1682 году младший сын царя Алексея Михайловича Петр, будущий первый Император Всероссийский, был одним из немногих, кто понимал проблему. Известно, что царь-реформатор неоднократно проявлял интерес к древней истории России. В его указах можно найти ссылки на сведения, почерпнутые из летописей⁴. Не слу-

² Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. IV, ч. 1. С. 334.

³ В. О. Ключевский отмечал: «Представив себе количество старших боярских родов, уступивших в XVII в. свои места в думе младшим, и количество новых неизвестных дотоле фамилий, пришедших с служилого низа занять места выбывших знатных, мы поймем, что разница в составе Боярской думы того и другого века была слишком значительна, чтоб ее последствия не шли далее родословной московского боярства. Сменились не только поколения одного и того же класса, сменились самые классы, и если бы гордому своим происхождением кн. А. М. Курбскому показать список членов Боярской думы XVII в., он, наверное, покачал бы головой и сказал: да, правду писал мне в Литву князь великий московский Иван Васильевич, по своей привычке злоупотребляя словами Св. Писания, что “может Бог и из камней воздвигнуть чад Аврааму”» (Ключевский В.О. Боярская Дума Древней Руси).

⁴ Например, указ об учреждении Андреевского военно-морского флага содержал в себе отсылку к эпизоду из Повести временных лет, описывающему посещение русских земель апостолом Андреем Первозванным.

чайно автором первого обобщающего труда по русской истории – «Истории Российской» стал один из личных помощников государя Василий Никитич Татищев.

Важнейшую роль в изучении прошлого России сыграла основанная Петром Великим Российская академия наук. Именно академические ученые начали систематическую деятельность по сбору, изучению и публикации письменных источников по русской истории. По инициативе и замыслу академика Герарда Фридриха Миллера в 1732 году был создан первый в России научный исторический журнал – «Sammlung Russischer Geschichte»⁵. Именно в этом журнале впервые были опубликованы отрывки из Повести временных лет, снабженные научным комментарием. Выходивший на немецком языке журнал на долгие годы стал основным источником по русской истории для европейского научного сообщества⁶. Труды академических ученых и русских архивистов в XVIII веке были опубликованы важнейшие исторические и литературные памятники XII–XVII веков, в том числе летописи, «Русская правда», «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве» и многие другие⁷. Появились академические, университетские и частные собрания древних книг. В архивах начата планомерная научная работа. В числе прочих в 1790 году вышел из печати и «Русский временник», содержащий сведения о Евпатии Коловрате. Своеобразным итогом всей этой деятельности стало написание Н. М. Карамзиным «Истории государства Российского». Впервые русский читатель получил подробнейшее изложение отечественной истории от самого ее начала до Смутного времени, написанное литературным языком, то есть доступное для понимания каждого. На уровне национального сознания провал в исторической памяти был преодолен, Россия вновь обрела историю.

Третий и самый страшный обрыв национальной памяти произошел после революции 1917 года. Этот год стал роковым в истории России и по своим последствиям может сравниться разве что с 1237-м. Произошла не просто смена политических элит, не просто изменения политического, социального и экономического уклада, был дан старт попытке построения нового государства и нового общества, полностью отрицающего все, что было до него. Слова «Отречемся от старого мира» были не пустым звуком. Новые государственные образования – РСФСР, а потом СССР – не только не пытались стать юридическими преемниками Российской империи, но и решительно отрицали саму возможность такой преемственности.

Большевики хорошо понимали, что основу старого общества составляют не только сами люди, но и историческая память. И помимо социальной инженерии объявили настоящую войну прошлому – российской истории. Первый удар был нанесен 12 апреля 1918 года, когда за подписями Ленина, Луначарского и Сталина вышел «Декрет о снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции» («О памятниках республики»). Согласно этому декрету «*памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера*». По всей стране началась расправа над памятниками. Крушили памятники государям, полководцам, государственным деятелям. Уже к концу 1918 года в Москве были снесены памятники Александру II, Александру III, великому князю Сергею Александровичу, генералу М. Д. Скобелеву и т. д. В сносе памятников принимали личное участие руководители Советского государства и сам «вождь мирового пролетариата».

⁵ Дословно – «Собрание русской истории», можно перевести как «Русский исторический сборник».

⁶ Каменский А. Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера // Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. М.: Наука, 1996. С. 378.

⁷ Смирнов А. Ф. Великие историки России. Мыслители и правители. М.: Вече, 2010. С. 29.

Масштабы разрушения были колоссальными. Так, в 1940 году специальная комиссия Академии архитектуры СССР констатировала, что в столице Советского Союза за 1917–1940 годы *«уничтожено 50 процентов архитектурно-исторических памятников национальной архитектуры»*⁸. При этом комиссия считала только те объекты, которым был официально присвоен статус памятника. А скольким не был присвоен этот статус?

Живым свидетельством истории России были географические названия – городов, улиц, населенных пунктов и т. д. В 20-х–30-х годах по указаниям советского руководства началось тотальное переименование. Исчезали старинные названия, несшие в себе исторический смысл, зато на карте страны появились имена большевистских вождей, деятелей мирового революционного движения и т. д. Так стиралась историческая география России. Большевики запросто переименовывали целые города, называя их в честь «себя, любимых». Так появились на карте СССР Калинин, Молотов, Сталино, Орджоникидзе, Киров и т. д.

К сожалению, большинство этих уродующих нашу историю и наши города переименований дожили до нашего времени. Начавшаяся было в 90-х годах XX века кампания по возвращению исторических имен улицам и городам пошла на спад... Интересно, что одним из наиболее распространенных и, надо признать, разумных мотивов против возвращения старых названий в наши дни является мотив финансовой экономии – каждое переименование выливается государству в копеечку. Можно представить, каких затрат потребовало массовое изменение наименований населенных пунктов и их частей в 20-х – 30-х годах. Но в борьбе с русской историей большевики не боялись расходов.

В 1919 году в учебных заведениях СССР было прекращено преподавание истории. *«Восемь-девять лет тому назад, – с удовлетворением писал в 1927 году видный борец с исторической наукой М. Н. Покровский, – история была почти совершенно изгнана из нашей школы – явление, свойственное не одной нашей революции. Детей и подростков занимали исключительно современностью...»*⁹

Этот предмет был вычеркнут из учебной программы и заменен изучением истории партии и мирового освободительного движения. В завершение этого процесса советское руководство устроили расправу над отечественной исторической наукой. 5 ноября 1929 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение об уголовном преследовании сотрудников Академии наук СССР по совершенно нелепому обвинению. Обратим внимание читателя, что инициатива расправы над учеными-историками исходила не от органов госбезопасности, как того можно было бы ожидать, а от высшего руководства страны. Выполняя решение руководства, органы ОГПУ состряпали целое «Академическое дело» («Дело историков»), в рамках которого были проведены аресты выдающихся отечественных ученых. Все по этому делу было арестовано 4 академика АН СССР (С.Ф. Платонов, Е. Н. Тарле, Н.П. Лихачев и М.К. Любавский), 9 членов-корреспондентов АН СССР, в том числе С. Ф. Рождественский, Д. Н. Егоров, Ю. В. Готье, А.И. Яковлев, и более 100 ученых рангом поменьше. Подавляющее большинство из них было историками. Имена С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле, М.К. Любавского говорят сами за себя.

10 февраля 1931 «тройка» ПП ОГПУ в ЛВО вынесла приговор первой партии арестованных по «Академическому делу»: 29 человек были приговорены к расстрелу, 53 – к заключению в ИТЛ на срок от 3 до 10 лет, 2 – к высылке на 2 года. Решение «тройки» было пересмотрено коллегией ОГПУ 10 мая 1931 года. Высшая мера наказания была сохранена в отношении бывших офицеров А.С. Путилова, А.А. Кованько, В.Ф. Пузицкого, Я.П. Куприянова, П.И. Зиссермана, Ю.А. Вержбицкого. 10 человек были приговорены к расстрелу, замененному заключением в лагерь на 10 лет, 8 – к заключению в лагерь на 10 лет, 3 – к

⁸ Михайлов К. Уничтоженный Кремль. М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 31.

⁹ Брачев В. С. Травля русских историков. М.: Алгоритм, 2006. С. 11.

заклучению в лагерь на 10 лет, замененному высылкой на тот же срок, 3 – к заключению в лагерь на 3 года. В ходе следствия было освобождено 43 человека.

Вынесение приговора тем арестованным, которых относили к «руководящей группе», затянулось. Он был вынесен коллегией ОГПУ 8 августа 1931 года: 18 человек были приговорены к высылке в отделенные места СССР сроком на 5 лет. Среди них были академики Платонов, Тарле, Лихачев, Любавский. Пять человек приговорены к 5 годам заключения в лагере, 4 – к 3 годам заключения в лагере, 1 – к высылке в Западную Сибирь на 3 года¹⁰. Цвет отечественной исторической науки был разгромлен...

Преподавание истории как учебного предмета было восстановлено в СССР лишь в 1934 году. Такой перерыв был необходим большевистскому руководству для разрушения традиций преподавания истории Отечества, ибо в 1934 году в учебных заведениях стали изучать совсем другую историю.

Решение о восстановлении преподавания истории было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 20 марта 1934 года. Этим же постановлением высшее руководство СССР утвердило авторскую группу для создания школьного учебника истории СССР¹¹. Пожалуй, впервые в российской истории школьный учебник утверждался высшим руководством страны. В том же 1934 году три члена Политбюро – Сталин, Киров и Жданов – лично прочитали и отрецензировали предлагаемые авторскими коллективами конспекты новых школьных учебников. Для нашей темы весьма важно посмотреть, какие же недостатки наши вожди обнаружили в представленном им проекте учебника.

По мнению высокопоставленных рецензентов, авторская группа *«не выполнила задание и даже не поняла своего задания. Она составила конспект русской истории, а не истории СССР, то есть истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР»*. В конспекте не была подчеркнута ни *«аннекционистско-колонизаторская роль русского царизма»*, ни *«контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике»*¹².

Вот это-то различие между русской историей и историей СССР и является главным для понимания того, какую же именно историю стали преподавать в советских школах и прочих учебных заведениях. Главным было то, что отрицался исторический путь России как национального государства русского народа, созданного русским народом же. Теперь, по мысли вождей, русский народ должен был занять в своей стране место лишь одного из нескольких «братских народов» (многие из которых в то время лишь искусственно создавались), а в перспективе – с расширением СССР до мировых пределов – роль русских должна была стать еще меньшей.

Историческая наука в Советском государстве была поставлена в жесткие идеологические рамки, которые ограничивали не только свободу научной дискуссии, но и создавали систему постулатов, оспорить которые было невозможно. Полный контроль государства над книгоизданием и библиотеками также способствовал разрыву между русской и советской традициями. Труды дореволюционных историков не переиздавались в СССР, причем речь идет не об узкоспециальных работах, а о классиках, таких как Н. М. Карамзин, Д. И. Иловайский, Н. И. Костомаров, И. Е. Забелин и т. д. Дореволюционные издания были доступны только в библиотеках крупных городов и старых университетов. Искусственная изоляция советских ученых от зарубежных, в первую очередь европейских коллег¹³, снижение уровня преподавания – все это способствовало застою и постепенной деградации отечественной

¹⁰ Цамутали А. Н. Академическое дело // Репрессированные геологи. М. – СПб., 1999. С. 391–395.

¹¹ Жуков Ю. Иной Сталин. М.: Вагриус, 2003. С. 68.

¹² Жуков Ю. Иной Сталин. М.: Вагриус, 2003. С. 203.

¹³ До революции обязательным условием получения профессорского звания было наличие у соискателя одного не менее чем двухлетнего опыта работы за рубежом.

исторической науки. Вместе с тем нельзя полностью вычеркивать советское время из историографии как бесплодное и потерянное. Даже жесткие идеологические рамки не способны полностью убить научную мысль, поэтому наряду с потерей исторического знания были и открытия, наиболее значительным из которых в области изучения Древней Руси следует считать находку и изучение берестяных грамот.

Отсутствие свободной дискуссии по историческим вопросам и невежество в отечественной истории даже образованной части общества привели к невиданному прежде расцвету псевдонаучного, а порой антинаучного шарлатанства, наступившего после 1991 года. Книги Л. Н. Гумилева, А.Т. Фоменко, В. Б. Резуна и их последователей, заполонившие прилавки книжных магазинов, открыли дорогу валу псевдоисторической литературы, в которой, как отдельные островки, тонут изданные малыми тиражами книги профессиональных исследователей.

Сейчас перед русским обществом, и в первую очередь перед профессиональным историческим сообществом, снова стоит задача вернуть России прошлое. Вопрос выживания русских как нации зависит именно от этого – вспомнит ли народ свою историю и примет ли как свою? И пусть напоминание о подвиге предков, которые в самой безнадежной ситуации не теряли присутствия духа, веру в Господа и надежду на Его милость к России, должно укрепить современное общество в его тяжелом положении.

Что говорят историки?

Выбранный нами метод реконструкции требует прежде, чем перейти непосредственно к фигуре Евпатия Коловрата, сделать небольшой обзор исторических работ, посвященных истории первой половины XIII века, то есть времени, когда протекала жизнь нашего героя, и особенно событиям, связанным с монгольским нашествием на Русь.

Надо сразу отметить, что таких работ немного. Хотя еще «отец русской истории» Н. М. Карамзин писал: *«Россия нам отечество: ее судьба и в славе и в уничижении равно для нас достопамятна»*, но все-таки трагическое время «Батыева погрома» редко становилось темой специального исследования.

Как правило, историки рассматривают его в рамках более широких тем, таких как «монголы и Русь» или «ордынское иго и его последствия», в рамках которых от трагических страниц можно постепенно перейти к не столь тяжким – к борьбе народа за свое выживание, с кропотливой деятельностью русских государей, что из осколков былого и всего, что попадалось под руку, закладывали фундамент новой державы, к героическим страницам восстаний и военных битв, и, наконец, к светлым и святым образам святителя Алексия, Сергия Радонежского, Дионисия Суздальского и их учеников.

И до, и после монголов накатывались на наши рубежи нашествия иноплеменников, иной раз им и успех сопутствовал, но всегда и неизбежно следовал ответ русской силы. И в свете будущей победы первоначальные поражения обретают свой смысл. Война 1237–1240 годов, которую вели русские княжества с державой Чингизидов, – это горчайшая страница в русской истории – поражение, оставшееся без ответа.

Начать обзор логично с «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Во-первых, потому, что именно он задал ту схему изложения, которую и сейчас еще используют историки, – повествование о ходе русской истории разрывается рассказом о событиях далеко на Востоке – образовании державы Чингисхана и его потомков, которое, таким образом, как бы встраивается в русский исторический контекст. Во-вторых, именно Карамзин впервые опубликовал, или, говоря современным языком, ввел в научный оборот, историю Евпатия Коловрата. Историограф не стал подвергать эти сведения критическому анализу, хотя и отметил их меньшую достоверность по отношению к информации, почерпнутой из летописей.

Не высказал он своего мнения и о причинах трагического исхода столкновения Руси и кочевников, рассматривая Батыеву рать как искушение «всеми возможными для государства бедствиями», ниспосланном Провидением для России¹⁴.

Очень подробно рассмотрел события 1237 года в Рязанской земле почти забытый ныне, но весьма известный в XIX веке русский историк Дмитрий Иванович Иловайский. В своей работе «История Рязанского княжества» (1858) он попытался свести воедино все сведения, известные к тому времени из летописей, и выстроить непротиворечивую картину событий. Историю Евпатия Коловрата он посчитал попавшим в письменные источники отголоском народного предания, а самого Евпатия – былинным рязанским богатырем. «Событие, очевидно, невыдуманное; только трудно определить, насколько народная гордость участвовала в изобретении поэтических подробностей»¹⁵.

В 1880 году из-под пера историка выходит труд «Становление Руси», в котором вопрос о нашествии монголов рассмотрен с общерусской точки зрения. По мнению Иловайского, объективный ход исторического развития сделал невозможной эффективную защиту страны от нашествия: *«Можно, конечно, обвинять наших старых князей в том, что они не поняли*

¹⁴ Карамзин. Н.М. История государства Российского. М.: Книжный сад, 1993. Т. 2. С. 141.

¹⁵ Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М.: Университетская типография, 1858. С. 133.

всей опасности и всех бедствий, грозивших тогда от новых врагов, не соединили свои силы для дружного отпора. Но, с другой стороны, не должно забывать, что там, где предшествовал долгий период всякого рода разъединения, соперничества и развития областной обособленности, там никакая человеческая воля, никакой гений не могли совершить быстрое объединение и сосредоточение народных сил. ...Древняя Русь сделала то, что было в ее средствах и способах. Каждая земля, почти каждый значительный город мужественно встречали варваров и отчаянно защищались, едва ли имея какую-либо надежду победить. Иначе не могло и быть. Великий исторический народ не уступает внешнему врагу без мужественного сопротивления, хотя бы и при самых неблагоприятных обстоятельствах»¹⁶.

Нетрадиционный взгляд на монгольское завоевание предложил Георгий Владимирович Вернадский, русский историк, оказавшийся после Октябрьского переворота в эмиграции в США. По своим взглядам он был близок к евразийцам, и поэтому, рассматривая монгольский период в истории Руси, он выбрал необычный для нашей историографии угол зрения. В своем труде «Монголы и Русь», представлявшем собой третью часть фундаментального труда по истории России, он рассматривает не историю русских княжеств под монгольским владычеством, а историю Монгольской империи и Руси как одной из ее провинций. Если до этого центром обозрения была Русь, то теперь он перемещается в империю великого хана и в Золотую Орду. Непосредственно событиям 1237–1240 годов в книге посвящено не более двух страниц, на которых сухо перечислены даты ордынских походов и основных сражений. Нежелание вдаваться в подробности объясняется стремлением евразийцев «реабилитировать» монголов и представить их не как жестоких варваров, а как развитую цивилизацию, уровень жестокости которой не превышал обычного для Средних веков¹⁷. Картины беспощадных разрушений и жестокой резни плохо увязывались с рассуждениями о мудрости Ясы Чингисхана и справедливом устройстве великой евразийской империи.

Однако именно такой подход позволил увидеть монгольское нашествие не просто как стихийное бедствие или проявление Божией воли, но и подробно рассмотреть его причины и цели.

Интересно, что почти одновременно работа с аналогичным названием – «Монголы и Русь» – появилась и по эту сторону «железного занавеса». Ее автором был Арсений Николаевич Насонов. Основной темой его работы была политика золотоордынских ханов в отношении русских княжеств, при этом сам процесс завоевания историка не интересовал – ему посвящено не более двух абзацев.

Гораздо больший интерес для нашей темы представляет другая работа А. Н. Насонова – «Русская земля и образование территории древнерусского государства» – наиболее подробный до настоящего времени труд по исторической географии домонгольской Руси. Одной из проблем отечественной историографии является недостаточное количество исследований, в которых бы изучались не общий ход исторических событий, а важные для его понимания аспекты. Например, напрасно любитель истории будет искать в каталоге библиотек книгу «Торговые пути и дороги Древней Руси» или «Состав Боярской думы при Василии III. Биографический справочник». Напрасно, потому что таких книг не существует в природе. Информацию по интересующим исследователя узким вопросам необходимо искать во мно-

¹⁶ Иловайский Д. И. Становление Руси. М.: Астрель, 2003. С. 637.

¹⁷ Показателен в этом плане пассаж из первой главы книги. Признавая, что «ни одна территория и период истории не знали подобной концентрации массовых убийств», автор далее пишет: «...и противники монголов не испытывали отвращения к кровопролитию. Со всеми своими высокими идеалами и возвышающимися цивилизациями, как средневековая Европа, так и средневековый Ближний Восток представляют на протяжении длительного периода печальную хронику жестокости и варварства не только в войнах между нациями, но и в подавлении религиозных и иных меньшинств внутри каждой нации» (Вернадский Г. В. Монголы и Русь).

жестве статей, примечаний и т. д. Исследование А. Н. Насонова представляет собой счастливое исключение, которым по сию пору пользуются историки.

В советское время так и не появилось специального исследования, посвященного нашествию монголов на Русь. Большое внимание этой теме уделял специалист по военной истории Средневековья Вадим Викторович Каргалов. В 1966 году появилась его небольшая работа «Монголо-татарское нашествие на Русь», написанная в научно-популярном жанре. К этой теме автор не раз возвращался и в дальнейшем, наиболее подробно осветив этот период в своей книге «Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси», больше половины объема которой посвящена событиям 1237–1238 годов. Остальные советские историки ограничивались либо статьями, либо небольшими по объему главами в монографиях, написанных по стандартной схеме – «злые завоеватели – феодальная раздробленность, помноженная на неадаптивность русских князей = печальный итог».

Вместо исторических исследований обществу был предложен «закрывающий тему» талантливый роман писателя Василия Яна «Батый», роль которого в формировании представлений в обществе о событиях 1237–1238 годов не меньше, а то и больше, чем всех трудов профессиональных историков, вместе взятых. Написанный талантливым писателем на основе представлений тогдашней исторической науки, роман в то же время проникнут советской идеологией, искусно вплетенной автором в повествование¹⁸. Это литературное произведение оказало влияние не только на массовое сознание, но и на работы советских историков по данной тематике.

Отдельно от советской традиции стоят труды «последнего евразийца» Льва Николаевича Гумилева. В основе его работ лежала предложенная им новая концепция историософии – теория пассионарности, объясняющая весь ход мировой истории за счет действия особой энергии, заряжающей периодически те или иные народы. По мнению создателя теории, весь ход исторического процесса подчиняется природным закономерностям и схож с жизненными циклами организмов, а полоса свободы воли человека довольно ограничена. В теории пассионарности можно увидеть отголоски и органической теории Шеллинга, и историософии Константина Леонтьева, и даже православного учения об энергиях Божества.

Будучи еще более евразийцем, чем сами основатели этой концепции, Гумилев пошел дальше в оправдании монголов. В погроме Руси он фактически обвинил русских князей, «не понявших» истинных целей монгольского войска и оказавших ему «напрасное и неумелое сопротивление». Монголы не могли поступить иначе, так как находились в фазе пассионарного подъема, а русские пребывали в стадии обскурации и тоже не могли ничего противопоставить завоевателям. Впрочем, Гумилев не рассматривает отношения Руси и Орды в подобных терминах. С его точки зрения, после нашествия монголов русские князья вступили с ними в добровольный союз, а дань – не что иное, как плата за военную помощь в борьбе с агрессией католического Запада.

Теоретические построения Л. Н. Гумилева и основанные на них исторические труды были очень уязвимы для научной критики, но в силу особенностей советской системы вместо полноценной научной полемики была организована кампания беспощадной травли мыслителя. Причем главным основанием для нее послужили не фактические, методологические и прочие ошибки в книгах историософа, а то, что предложенная им теория не являлась марксистской. Однако именно это обстоятельство, прекрасный литературный язык Гумилева и обаяние его личности сделали его работы весьма популярными в советском образованном обществе.

¹⁸ Подробнее о романе «Батый» и роли, которую он сыграл, см. в Приложении 1.

По существу, историки начали критиковать Гумилева лишь в 90-х годах XX века, когда его книги нашли своего массового читателя и оказали существенное влияние на исторические представления общества.

Падение советской системы значительно ослабило влияние на историческую науку идеологических факторов. Однако сложное экономическое положение страны привело к вымыванию из этой сферы деятельности многих талантливых ученых. Осложняет ситуацию и информационный вакуум – труды историков выходят мизерными тиражами и продаются по высокой цене, что делает их малодоступными не только для широкой публики, но и для других специалистов. Тем не менее российская историческая наука продолжает существовать и развиваться. В последние годы вышло много новых исследований, в том числе и посвященных интересующему нас периоду. Хотелось обратить внимание читателя на некоторые из них.

В 2004 году была опубликована монография Дениса Григорьевича Хрусталева «Русь от нашествия до “ига”», первое за долгие годы специальное научное исследование, посвященное монгольскому нашествию на Русь и событиям, непосредственно связанным с ним. Автор подробно рассматривает ход военных действий, ситуацию на Руси, мотивы и поступки отдельных исторических персон. В 2012 году монография вышла в дополненном и частично переработанном виде под названием «Русь и монгольское нашествие».

Интересному и малоизученному по сию пору аспекту событий XIII века – осмыслению русским обществом нашествия монголов и монгольской власти над Русью – посвящена работа Владимира Николаевича Рудакова «Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв.». Автор пытается ответить на вопрос – какими видели завоевателей представители интеллектуальной элиты русского общества того времени, создавшие те самые письменные источники, которыми руководствуются все последующие поколения историков? Без понимания этого аспекта проблемы невозможно адекватно оценивать мотивации и поступки основных действующих лиц. Для нашей темы особенный интерес представляют первые две части исследования, в которых рассматривается реакция русского общества на битву на Калке и Батыево нашествие.

Военные аспекты монгольского нашествия подробно освещены в книгах Романа Петровича Храпачевского «Военная держава Чингисхана» и «Армия монголов периода завоевания Древней Руси». Исследования основаны на анализе большого количества китайских, персидских и собственно монгольских источников, некоторые из которых впервые введены в научный оборот.

В последние годы вышло несколько исследований, посвященных правителям Монгольской империи и ханам Золотой Орды. Из этого потока разнородной по качеству и ориентации литературы хотелось бы особенно отметить биографию хана Батые, которую для серии ЖЗЛ написал Алексей Юрьевич Карпов. Автор является специалистом по Древней Руси, его перу принадлежат первые в нашей историографии научные биографии Владимира Святого, Ярослава Мудрого, Юрия Долгорукова и других деятелей домонгольского периода нашей истории. Его книга о Батые лишена евразийской сентиментальности, но осталась объективной и до дотошности подробной. Специализация автора позволила ему очень подробно описать нашествие монголов на Русь и отношения повелителя Орды с русскими князьями.

Конечно, перечисленными трудами не исчерпывается вся современная историография темы монгольского нашествия на Русь. Многие аспекты проблемы получают свое освещение в статьях и докладах, но, увы, эти публикации издаются крайне малыми тиражами и далеко не всегда становятся известными даже специалистам, а в руки любителей истории могут попасть разве что случайно.

Однако постепенное накопление информации, рассмотрение узких вопросов – неизбежный путь к созданию новых обобщающих монографий. А без прочного научного фундамента невозможно возвращение исторической памяти народа.

Глава 1. На книжной полке

Если спросить любителя русской истории, в каком произведении содержится упоминание о Евпатии Коловрате, то большинство не задумываясь ответит – в «Повести о разорении Рязани Батыем», наиболее осведомленные добавят – которая входит в цикл повестей о Николе Зарайском. В подтверждение своих слов нам покажут солидное издание «Памятники древнерусской литературы», в оглавлении которого черным по белому будет написано название – «Повесть о разорении Рязани Батыем».

Но на самом деле ответ на вопрос, героем какого литературного произведения является Евпатий Коловрат, несколько сложнее и не лежит на поверхности.

Дело в том, что название «Повесть о разорении Рязани Батыем» – условное. Его дали памятнику изучавшие его историки. Так часто делают в исторической науке – если не удастся установить реально существовавшее название предмета, книги или явления, то ученые присваивают ему свое, чтобы было понятно, о чем идет речь. Пример такого названия нам знаком со средней школы, где на страницах учебника мы читали об истории государства Киевская Русь. Но такого государства никогда не существовало. Это название родилось из предложенной Сергеем Михайловичем Соловьевым периодизации истории страны, в основу которой он положил название столицы. Основными этапами в этой схеме были – Русь Киевская, Русь Владимирская, Русь Московская и Россия Петербургская. Последние три названия как-то забылись, а Киевская Русь прочно прописалась в исторической науке и школьных учебниках¹⁹.

Так и со многими древнерусскими литературными произведениями – историки присваивают им названия «Слово», «Повесть», «Сказание», хотя ничего в тексте не говорит о том, как называлось это произведение на самом деле.

Нет такого названия и в «Повести о разорении Рязани». Впервые это произведение было опубликовано в 1790 году в сборнике «Русский временник сиречь Летописец, содержащий российскую историю». Это издание содержало в себе так называемую (опять условное название) Костромскую летопись, составленную, по мнению специалистов, в первой половине XVII века²⁰. В этом издании текст «повести» был разбит на отдельные части, между которыми были вставлены отрывки из летописей в хронологическом порядке. Поэтому впервые введший его в научный оборот Н. М. Карамзин и называет источником сведений о Евпатии «Новейший летописец», отмечая в примечаниях позднее происхождение памятника и его меньшую достоверность относительно более ранних и подробных летописей.

Напомним читателю сюжет «Повести»²¹.

Через два года после битвы на Калке (1223 год) некоему священнику Евстафию из греческого города Корсунь (Херсонес) явился во сне святой Николай Угодник и повелел взять свой чудотворный образ, находящийся в одной из церквей города, и вместе с ним следовать в Рязанскую землю. Евстафий, сопровождаемый супругой и сыном, взял икону и последовал на Русь. Однако прямой путь по Днепру был по каким-то причинам закрыт, и священнику пришлось совершить плавание вокруг Европы. Через Ливонию он прибыл в Новгород и после некоторых приключений отправился в Рязанскую землю.

¹⁹ Советский историк Б. А. Рыбаков посвятил целую главу в своем объемном труде доказательству тезиса о том, что самоназванием Древнерусского государства было словосочетание «Русская Земля», но книгу при этом назвал – «Киевская Русь и русские княжества в IX–XIII вв.».

²⁰ Комарович В. Л. К литературной истории повести о Николе Зарайском // Труды отдела древнерусской литературы института литературы (ТОДРЛ). М.—Л. Т. 5. С. 57.

²¹ Полный текст см. в Приложении.

Святитель Николай является во сне молодому рязанскому княжичу Федору Юрьевичу и повелевает ему встретить икону, обещая «венец Царствия Небесного» князю, его жене и сыну. Неженатый на тот момент князь сильно удивился, но волю святого выполнил – торжественно встретил икону и перенес ее в область свою (город Красный на Осетре, нынешний Зарайск). Услышав о новой святыне, в вотчину сына приехал отец – великий князь рязанский Юрий Ингорович и на свои средства построил для иконы храм. В скором времени молодой князь Федор Юрьевич женился, «взяв супругу царского рода» по имени Евпраксия, и у них рождается сын, нареченный Иваном.

Потом исполняется пророчество – в 1237 году от рук Батыя погибает князь Федор Юрьевич, а княгиня вместе с сыном, узнав о его судьбе, бросается с терема наземь и погибает. Их с честью хоронят, и с того времени икона святого Николая зовется Заразской, так как княгиня «заразила», то есть убила, себя.

Далее снова следует рассказ о приходе к рязанским границам полчищ Батыя, и более подробно описаны история гибели князя Федора и его семьи. Возвышенное описание мужественного похода рязанских князей против нахлынувшей рати иноплемеников, их гибели в бою, осады и взятия Рязани. Из Чернигова к сожженному городу приходит «вельможа рязанский» Евпатий Коловрат. Собрал дружину в 1700 бойцов, он устремляется в погоню за Батыевой ратью, настигает ее, вступает в жестокий бой, громит многие вражеские полки, убивает «шурича Батыева» Хостоврула (Таврула) и погибает сам, сраженный «тьмочисленными пороками».

В Рязань возвращается князь Ингварий Ингорович, оплакивает город и князей-братьев, торжественно хоронит их в соборе и становится князем. Повесть дополняется особым списком, в котором перечислен «род служителей чудотворца Николы Заразского», содержащий родословную летопись от перенесшего икону священника Евстафия до священнослужителей XVI века.

Отдельно текст памятника впервые был опубликован в 1852 году во «Временнике Московского общества Истории и древностей Российских» под заголовком «Приход чудотворного Николина образа Зарайского». Хотя эта публикация и осталась тогда практически незамеченной историческим сообществом, это была первая полная публикация произведения по подлинной рукописи XVI века²².

Когда же произведение было ужато примерно до половины и сменило название? Это произошло в 1867 году при публикации, подготовленной выдающимся русским филологом-славистом Измаилом Ивановичем Срезневским. На основании обнаруженных к тому времени списков памятника он создал сводный текст, причем отбросил первую часть повести (о перенесении из Корсуня в Рязань иконы святого Николая), выделив только сюжет вокруг монгольского нашествия²³. Тогда же и родилось название «Повесть о разорении Рязани Батыем». Составленный И. И. Срезневским текст начал победное шествие по страницам сборников произведений древнерусской литературы, учебных пособий и хрестоматий. Он и стал для большинства любителей истории источником сведений о Евпатии Коловрате.

И лишь в XX веке историки и филологи вернулись к изучению произведения в полном объеме. В 1947 году вышла работа известного русского литературоведа и филолога Василия

²² Комарович В. Л. К литературной истории повести о Николе Зарайском. С. 57.

²³ Там же. С. 58.

Леонидовича Комаровича²⁴ «К литературной истории повести о Николе Зарайском», в которой впервые был дан обзор рукописных списков «Повести» и сделана попытка воссоздать историю ее написания. Многие идеи Комаровича получили дальнейшее развитие в трудах знаменитого историка и филолога Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Согласно этой теории повесть создавалась постепенно, начиная с конца XIII века, дополняясь фрагментами из разных источников, и окончательный вид приобрела в середине XVI века. До недавнего времени эта точка зрения была господствующей в нашей исторической науке.

Сделаем небольшое отступление и расскажем о том, как ученые работают с древними книгами и что позволяет им делать те или иные предположения о времени их создания, развития и т. д.

Современный человек плохо представляет себе, что такое средневековая рукописная книга. Мы привыкли к книгам массовой печати, каждая из которых представлена в тысячах (в крайнем случае – сотне) одинаковых копий. Текст же книги и вовсе не меняется от издания к изданию (за исключением переводов или дополненных изданий). Рукописная книга – совсем другое дело.

Во-первых, в силу технологии изготовления уникальным является каждый ее экземпляр. Двух одинаковых рукописных книг в принципе быть не может. Различаются не только оформление и размер одного и того же произведения, переписанного разными писцами, но и содержание.

Во-вторых, если в наши дни технический процесс изготовления книги полностью отделен от ее написания, то в Средние века все обстояло прямо противоположным образом. Сама техника переписывания книги требовала от писца не только мастерства каллиграфа, но и высокого уровня интеллекта.

В-третьих, рукописная книга не создавалась просто так, в расчете на некоего абстрактного читателя. Стоила она дорого и изготавливалась на заказ, и личность заказчика оказывала влияние не только на оформление, но и содержание книги. Причем в те времена разница между заказом книги как экземпляра и книги как произведения была довольно зыбкой.

Современные ученые, как правило, имеют в своем распоряжении несколько экземпляров одного и того же литературного произведения, которые в научной литературе принято называть списками. Списки различаются между собой не только временем изготовления, оформлением, неизбежными описками, но и содержанием. В некоторых рукописях есть части, отсутствующие в других, а те сюжеты, которые совпадают, изложены немного по-другому. Такие различные версии списков одного и того же произведения ученые называют редакциями. Как они возникают?

Переписывая старую книгу, писец сталкивался сразу с несколькими проблемами. С течением времени менялся язык, а значит, переписчик должен был не только понять то, что написал его предшественник, но и изложить это словами, понятными современникам. Некоторые древние слова он просто не понимает и заменяет их, основываясь на собственных представлениях. Книга предназначена конкретному заказчику, а значит, какие-то места можно усилить и расширить исходя из его предпочтений, а какие-то сократить и опустить. В распоряжении переписчика может находиться не один, а несколько более ранних списков, и он пытается согласовать их между собой.

²⁴ Василий Леонидович Комарович (1894–1942) получил образование еще до 1917 года, а в 1920-х сосредоточился на исследовании русской литературы, в частности творчества Ф. М. Достоевского и авторов Серебряного века. В начале 30-х годов был репрессирован, но сумел вернуться к работе. Ученый умер от голода в блокадном Ленинграде. Исследование, посвященное «Повести о Николе Зарайском», стало его последней работой. Первый раздел статьи был закончен в октябре 1941 года, второй был только начат. 17 февраля 1942 года ученый умер за рабочим столом.

Одним словом, переписывание книг – процесс не механический, а творческий. А где творчество – там есть место и дополнению сюжета, и литературной правке, и даже фантазии.

Историкам же литературы потом остается изучать отдельные списки, определять, какие из них появились раньше, какие – позже, чем объясняются те или иные вариации сюжета, и т. д.

А откуда же берутся тексты в учебниках, хрестоматиях или сборниках древнерусской литературы? Есть несколько путей:

- публикация текста по одному из списков;
- перевод с древнерусского языка на современный, при этом переводчик, беря за основу один из списков, может использовать и другие;
- публикация некоего сводного текста, составленного по материалам разных списков и редакций.

Публикуя «Повесть о разорении Рязани Батыем», И.И. Срезневский выбрал именно последний путь. В результате получилось произведение цельное, гладкое, но очень мало что-либо говорящее историкам литературы.

Наиболее полно и подробно исследовал «Повесть о Николе Заразском» выдающийся современный филолог и палеограф Борис Михайлович Клосс. Он выявил и исследовал 46 списков памятника, созданных от 1560-х до 1700-х годов и относящихся к нескольким редакциям. Тщательный анализ содержания, языковых особенностей, сходства и различия разных редакций позволил ученому убедительно опровергнуть распространенную до того времени точку зрения на составной характер «Повести». Итоговый вывод исследования: *«“Повесть о Николе Заразском” – произведение единое по своему замыслу, языковым особенностям и использованным источникам. Все части памятника написаны в одно время и одним автором, объединены общей идеей прославления местных святынь»*²⁵.

Подробный анализ текста «Повести» позволил Б. М. Клоссу установить и те исторические источники, которыми пользовался автор при создании своего произведения:

Московский летописный свод 1479 года;

Новгородская IV летопись;

Статья «Царие царствующие»;

Родословие Никольских попов;

Рязанские источники (легенды)²⁶;

Синодик рязанских князей.

Но главное, ученый смог сделать обоснованное предположение о том, кто является автором замечательного произведения русской литературы: *«В конце родословного перечня никольских попов читается загадочная фраза: “Се написа Еустафей вторый, Еустафьев сын Корсунскаго, на память последнему роду своему”. Этому Евстафию приписывают иногда авторство в отношении всей Повести о Николе Заразском или только первой ее части. Но Повесть, судя по источникам, языку и содержащимся в ней хронологическим приметам, написана в 1560 г. и никакого более раннего протографа не имела. Единственное, что можно было бы признать авторским вкладом второго Евстафия, – это вписание в Синодик имен своих родителей с кратким упоминанием об истории перенесения иконы. Подлинным же автором Повести о Николе Заразском являлся священник Никольского храма, работавший в 1560 г. Поскольку составление такого произведения никак не могло обойтись без участия главы клира, то решаемся приписать авторство Повести самому протопопу церкви*

²⁵ Клосс Б. М. История создания Повести о Николе Заразском // Зарайск. Исторические реалии и легенды. М.: Древлехранилище, 2002. С. 172.

²⁶ Там же. С. 174.

Николы Заразского Ивану Вислоуху, учитывая еще и то обстоятельство, что его именем заканчивалась роспись “Рода поповского Николы чудотворца Заразского”»²⁷.

Результаты исследования Б. М. Клосса очень важны для темы нашей книги. Источник наших сведений о Евпатии Коловрате значительно расширяется с одного эпизода до целого произведения. Установление точной датировки создания памятника также говорит о многом. Считается, что чем ближе источник по времени создания ко времени описываемых в нем событий, тем выше достоверность сообщаемых им сведений. Однако это далеко не всегда так. Как уже говорилось выше, в истории России были периоды утраты исторического знания и периоды его восстановления. Произведения, созданные в последние, порой содержат куда больше информации, чем те немногие, что родились в эпоху забвения. Оказывает влияние и процесс накопления и распространения исторического знания. Эти процессы хорошо заметны на примере последующих эпох – историки начала XIX века лучше знали о прошлом Руси, чем современники Петра Великого, а уровень знаний о прошлом, достигнутый к началу XX столетия превосходил и уровень карамзинистов, и уровень исторической науки советского времени.

Автор «Повести о Николе Заразском» протоиерей Иван Вислоух проделал огромную работу, которую в наши дни называли бы научной. Он собрал сведения из нескольких источников и мастерски вписал сохранившуюся в семье Заразских священников историю перенесения иконы святителя Николая в общий контекст русской истории. При этом сам сюжет произведения не является заимствованным. Он оригинален и не встречается более нигде, что позволяет сделать предположение о его достоверности.

Может возникнуть вопрос: а не являются ли персонажи «Повести», не упоминаемые в других источниках, литературными героями, то есть плодом вымысла автора? Здесь можно сослаться на авторитетное мнение Д. С. Лихачева: *«Типизированных, обобщенно-вымышленных героев с вымышленными именами древняя русская литература не знает. Художественное обобщение в ней всегда опиралось на конкретные исторические имена, подавалось через описание исторических событий, – безразлично, современных или отодвинутых в далекое прошлое. Даже жития русских святых по преимуществу историчны. Фантастика, чудеса вводятся в древнерусские произведения только под знаком чего-то исторически верного, реально случившегося»²⁸.*

Если применить этот тезис к «Повести о Николе Заразском», то мы увидим, что ее сюжет не претерпел бы существенных изменений, если бы автор использовал только достоверно существовавших лиц. Тогда бы икону встретил не Федор Юрьевич, а его отец – князь Юрий Ингваревич, упоминаемая в Ипатьевской летописи его супруга могла бы занять место Евпраксии, а эпизод с Евпатием и вовсе можно было бы пропустить. И чтобы изменилось? Да почти ничего. С точки зрения реализации идеи «прославления местных святых» было бы даже лучше. Но именно глубокий религиозный настрой автора и не позволял ему прибегать к фантазии. Безусловно, он мог домысливать отдельные сюжетные линии или приукрашивать (и с событийной, и с литературной точек зрения) отдельные эпизоды, однако вводить в сюжет персонажей вымышленных, но схожих с реальными не имел ни желания, ни потребности.

Если принять версию Б. М. Клосса о времени происхождения и литературной целостности «Повести о Николе Заразском», то можно попробовать ответить на вопрос – зачем автор вставил эпизод с Евпатием в свое произведение? Композиционно эта история разрывает на части рассказ о доблести и славе рязанских князей. Упомянув приход Батыя, автор в

²⁷ Клосс Б. М. История создания Повести о Николе Заразском. С. 176.

²⁸ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» (Историко-литературный очерк) // Слово о полку Игореве / АН СССР; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 239–240.

возвышенном тоне описывает мужественное решение рязанских князей не покоряться агрессору, их удаль в безнадежном бою и твердую решимость умереть, но не покориться. Логично было бы после описания их героической гибели поместить плач князя Ингваря Ингоревиича о своих родственниках и описание их погребения. Но этот гармонически сложенный рассказ о князьях разорван на две части историей Евпатия Неистового. В чем ее смысл? О доблестной защите княжества, о героизме русских людей уже рассказано. О хане Батые – тоже. Бой Евпатия с многочисленными полками описан менее подробно, чем битва рязанских князей.

По мнению специалистов, источником «княжеской» части повести послужил синодик рязанских князей, хранившийся в Никольском храме. Именно поэтому автор повести допустил несколько серьезных исторических ошибок, включив в состав действующих лиц событий 1237 года князей, которые к тому времени уже умерли. История Евпатия также взята из некоего рязанского источника, но какого?

Еще в XIX веке Д. И. Иловайский высказывал предположение, что источником сюжета о Евпатии Коловрате послужило некое народное предание, а самого Евпатия считал былинным богатырем вместе с Добрыней и Алешей Поповичем. Эта точка зрения прижилась в отечественной историографии надолго. В советское время она хорошо ложилась в идеологическую установку о влиянии народного творчества на русскую культуру, а потому получила широкое распространение. Дмитрий Сергеевич Лихачев в своем исследовании о «Повести» считал, что эпизод с «неистовым Евпатием» «целиком обязан своим происхождением народному эпосу». Но при этом «он составлен в той же стилистической манере, что и весь остальной текст “Повести”, и сливается с нею в органическое целое»²⁹. Последний тезис звучит несколько парадоксально – отрывок из народного эпоса составлен в той же стилистической манере, что и написанная рукой книжника «Повесть».

Да и не похож сюжет о Евпатии на сюжет народной песни. Во-первых, в нем ничего не говорится о самом герое. Нет не только каких-либо биографических сведений, но и даже личных характеристик. Высокий или низкий, светловолосый или кудрявый, молодой или старый – ничего из обычных эпитетов, которыми описываются в былинах богатыри. Во-вторых, детали сюжета достаточно реалистичны, в них нет ничего такого, что противоречит информации, известной из летописей и других источников. В-третьих, само имя героя – Евпатий – является уникальным и более нигде не встречается. Так же как и прозвище Коловрат.

Присмотримся к этому имени. И для начала обратим внимание на следующую особенность «Повести» – главным действующим лицом первой части является священник Евстафий, в середине произведения выделена княгиня Евпраксия, а в последней части – вельможа Евпатий Коловрат. Имена **Евстафий** – **Евпраксия** — **Евпатий** образуют своего рода фонетическую связку, пронизывающую всю повесть.

В отличие от имени нашего героя Евстафий и Евпраксия – имена довольно обыкновенные. Распространенными их не назовешь, но в древнерусских источниках они встречаются³⁰. А что же Евпатий? Можно предположить, что Евпатий – это искаженное греческое имя Ипатий, встречавшееся в Древней Руси. Если написать оба слова по-гречески, то разница составит всего одну букву: Εὐπάτιος (Евпатий) и Ἰπάτιος (Ипатий), при этом имя Ипатий («высокородившийся», «знатный») хорошо известно, а имени Евпатий в греческом не существует. Искажение имени при переходе из одного языка в другой – вещь весьма обычная, и русский язык тут не исключение. Так, греческий Георгий превратился в русском языке

²⁹ Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. Л.: Художественная литература, 1987. С. 78.

³⁰ В современном подробном исследовании древнерусских княжеских имен имя Евпраксия встречается трижды, имя Евстафий – четырежды. Имя Евпатий упоминается только один раз именно в связи с Евпатием Коловратом. См.: Литвина А. Б., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. М.: Индрик, 2006

в Гюргия, потом Юрия и просто Егора, еврейский Иосиф – в Осипа, скандинавские Нельга и Нельги – в Ольгу и Олега, а Ингвар – в Ингоря, а потом и в Игоря.

Может, это произошло и с Ипатием? Но тогда придется предположить, что это искажение имени возникло на короткий период, а потом исчезло. Ибо уже в XIV веке мы видим преподобного Ипатия Печерского, знаменитого врача («целебника»), основанный в том же столетии монастырь в Костроме тоже получает название Ипатьевского, редко, но отмечены в исторических источниках бояре с таким именем. И никаких искажений оно не приобрело.

А если расширить пределы поиска? Только в одном регионе имя Ипатий имеет редкую, но все же употребляемую форму Евпатий – в Северном Причерноморье. Возможно, причиной появления именно такой словоформы стала память о великом государе Митридате IV Евпаторе, который бросил вызов самому Риму³¹. В абхазских горах туристам показывают «пещеру Святого Евпатия», названную так по имени отшельника, подвизавшегося в местных горах.

«Повесть» прямо указывает на греческое происхождение священника Евстафия и намекает на такое же у княгини Евпраксии. В отечественной исторической и околоисторической литературе сложилась традиция считать ее гречанкой. Если допустить греческое происхождение Евпатия, то становится понятным, зачем автор повести включил эпизод о его подвиге в свое повествование. Для него Евпатий относился к кругу лиц, связанных с историей перенесения иконы Николы Зарайского на Русь. Но как черноморский грек стал «вельможей рязанским»? Что означает его прозвище Коловрат? Для ответа на эти вопросы обратимся к греческому следу в истории иконы Николы Зарайского и связанных с ней лиц.

³¹ Именно в честь его в 1784 году по указу императрицы Екатерины Великой был назван новый город в Крыму – Евпатория.

Глава 2. У самого Черного моря

Итак, вслед за автором «Повести о Николе Заразском» вернемся на берега Черного моря и попробуем разобраться в греческом следе нашей истории. «Повесть» начинается с упоминания битвы на Калке: *«Прибытие из Корсуни чудотворного образа Николы Заразского: как прибыл из преславного города Херсонеса в рязанские пределы на третий год после Калкского побоища. Тогда убито было много князей русских. И встали князья русские за половцев, а побиты были за Днепром на речке на Хортице на Калкском поле Половецкой земли, на Калках, месяца июня в шестнадцатый день»*.

Этот абзац является как бы подзаголовком «Повести», хронологически точно фиксирующим время начала действия – «на третий год после Калкского побоища». Битва на Калке произошла, согласно общепринятой датировке, 31 мая 1223 года. Таким образом, начало действия «Повести» относится к 1225 году.

Автор «Повести» не случайно выбрал в качестве указания времени начала именно битвы на Калке. Это событие рассматривалось в русской летописной традиции как прелюдия к монгольскому нашествию на собственно русские земли, а потому подробно описывалось в летописных сводах³². Тем самым читатель сразу включался в контекст эпохи и понимал, что перед ним не только религиозное, но и историческое произведение.

Но указанная дата имела не только литературное значение. Начало XIII века для Черноморского региона – время смены эпох. В 1204 году рыцари Четвертого крестового похода штурмом берут Константинополь, и на месте православной империи ромеев возникает латинская империя с католическим государем во главе. Не сложившиеся оружия византийцы собираются вокруг небольшого городка Никея, где бесстрашные императоры из династии Ласкрисов возглавили сопротивление. Восточнее Никейской империи образовался еще один осколок Византии – Трапезундская империя во главе с династией Великих Комнинов, под властью которой и оказался Херсонес. В 1223 году, перед тем как столкнуться с русскими дружинами на безвестной ныне реке Калке, монгольское войско под командованием Субэдя и Джэбэ ворвалось в Крым. Непосредственно Херсонес их набег не затронул, жертвой кочевников стал Сурож (Судак), но несомненно, что появление нового, дотоле не известного жестокого и сильного народа не могло не взволновать обитателей Тавриды.

Осколки Византии вели нескончаемые войны друг с другом и с турецкими султанами, поэтому Херсонес не мог рассчитывать на защиту метрополии в случае нового набег кочевников. Появившиеся в Черном море торговые корабли итальянских морских республик Венеции и Генуи вытесняли крымских греков из сферы торговли. Город постепенно приходил в упадок. И вот здесь священнику церкви Святого Якова Евстафию явился во сне святой Николай Угодник, повелел взять свой чтимый образ и двинуться в землю Рязанскую. Чтобы русский читатель «Повести» оценил это необычное повеление святого, автор указывает, что именно в этой церкви принял в свое время крещение святой равноапостольный князь Владимир.

В древнерусских летописях упоминается семь вариантов названия храма, в котором крестился князь Владимир³³. Для Б. М. Клосса указание на церковь Святого Якова стало указанием на один из летописных источников, которым воспользовался автор «Повести». Но в этом месте памятника есть более подробные сведения о месте нахождения иконы: *«А стоял тот чудотворный образ в городе Корсуни посреди града близ церкви апостола Якова, брата Иоанна Богослова. А в этой церкви апостола Якова крестился самодержавный и великий*

³² Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2009. С. 19.

³³ Карпов А. Ю. Владимир Святой М.: Молодая гвардия, 2004. С. 240.

князь Владимир Святославич Киевский и вся Русь. А палата была большая, красивая у чудотворцева храма позади алтаря, в ней же греческие цари пировали».

Эти подробности автор не позаимствовать в летописях и придумать не мог – зачем? С точки зрения рассказа логично было бы поместить икону просто в храме. Возможно, здесь он руководствовался преданием, сохранившимся среди служителей Никольского храма.

В путь Евстафий двинулся не один – по повелению угодника, он взял с собой супругу, сына и некоего служителя, возможно, диакона. Первоначально они планировали воспользоваться традиционным путем вверх по течению Днепра через половецкие степи к Киеву. Однако потом маршрут изменился. Святой Николай направил своего служителя следующим образом: *«Иди в устье Днепра в Понтийском море, и сядь в корабль, и доплыви до моря Варяжского в Немецкой области. И оттуда пойдешь сухим путем до Великого Новгорода и далее в Рязанскую область не только беспрепятственно, но и с почетом».*

Знакомый с летописной традицией читатель не мог не заметить тут отсылки на содержащийся в Повести временных лет рассказ о хождении к славянам апостола Андрея Первозванного. Апостольский маршрут, пролежавший по древнему пути «из варяг в греки», оказывается закрыт для Евстафия и иконы. Это очередной знак смены времени, эпохи перелома.

Некоторые историки считают путь иконы вокруг Европы маловероятным и даже «фантастическим». Странным кажется то, что для того, чтобы сесть на корабль, идущий в море Варяжское (то есть Балтийское), Евстафий должен из Херсонеса (одного из крупнейших портов Черного моря) добираться до устья Днепра. Можно предположить, что в древнем источнике рассказа о перенесении иконы упоминался вовсе не Днепр, а Дунай. Вот тогда маршрут становится логичным. В устье Дуная Евстафий пересаживается с морского корабля на речной и по великой европейской реке поднимается к центру Европы (в землю Немецкую), откуда по Одеру или по Эльбе попадает в Балтийское море. Путь довольно длинный, но вполне реальный и, главное, относительно безопасный. Ошибка автора XVI века вполне понятна, – в это время ни днепровским, ни дунайским путями русские не пользовались и географию Северного Причерноморья знали уже плохо.

Путешествие византийского священника с иконой из осколка империи в русские земли не было в те годы чем-то исключительным. Во-первых, Русская Церковь оставалась в подчинении Вселенского патриархата, и эти связи сохранились и после 1204 года. Во-вторых, русские князья ценили византийское церковное искусство и охотно принимали у себя иконописцев, зодчих и других умелых мастеров. Особенно привечали греков владимирские князья. По мнению искусствоведов, «в 1157–1238 годах во Владимире возник второй по своему значению после Константинополя крупный центр искусства в восточнохристианском мире»³⁴. Число византийских мастеров во Владимирском княжестве постоянно росло, так как местные князья последовательно, на протяжении нескольких десятков лет создавали все необходимые условия для работы, прежде всего ведя интенсивное храмостроительство. Захват Константинополя крестоносцами в еще большей степени способствовал переезду на Русь многих талантливых мастеров. Тем более что в отличие от Западной Европы ни светская, ни духовная власть не вмешивалась в творческие процессы.

Исследователи отмечают, что «написанные в 1220–1230-е годы иконы – самые “грекофильские” в ряду произведений владимирских мастеров XII–XIII веков»³⁵. Это говорит в первую очередь о заметном увеличении числа византийских мастеров, работавших в княжестве.

³⁴ Масленицын С. И. Живопись Владимиро-Суздальской Руси. 1157–1238 годы. М.: Изобразительное искусство, 1998. С. 237.

³⁵ Масленицын С. И. Указ. соч. С. 171.

Таким образом, как раз во времена путешествия иконы святого Николая из Корсуни в Рязань имел место пусть локальный, но оставивший заметный след в истории процесс переселения подданных Византийской империи в северо-восточные русские земли. В силу расстояния и трудностей пути он не носил массового характера, но дорога из Византии на берега Оки была проторена.

Интересно, что совсем незадолго до перенесения иконы святителя Николая аналогичный путь из византийских земель в Рязань проделали еще две иконы:

– Богоматерь Одигитрия, перенесенная епископом Ефросином Святогорцем³⁶ со святой горы Афон. Эта чтимая святыня находилась в Успенском соборе Рязани и также упоминается в источниках в связи событиями 1237 года³⁷. В настоящее время образ хранится в собрании Рязанского музея-заповедника;

– икона Иоанна Богослова, написанная в Царьграде и находившаяся в основанном князем Ингварием Ингваревичем около 1220 года Ольговом монастыре. По преданию, икона была прислана патриархом в дар рязанскому князю. Образ не сохранился до нашего времени, как не сохранились и документальные свидетельства о его происхождении, но сам факт предания в очередной раз подчеркивает наличие связи между Рязанским княжеством и осколками Византийской империи.

После ряда приключений Евстафий вместе с иконой и семейством добрался до рязанских пределов. И здесь по милости святого Николая в истории появляется новое действующее лицо – внук рязанского князя княжич Федор Юрьевич. Именно ему явился во сне Угодник и повелел встретить свой образ, сообщив, что за это действие Господь *«дарует тебе венец царствия небесного, и жене твоей, и сыну твоему»*. Неженатый и бездетный князь сильно подивился этому обещанию, но волю святого выполнил.

Хотя «Повесть о Николе Заразском» является единственным источником, сообщающим нам сведения о деятельности и самом факте существования князя Федора Юрьевича, историки склонны считать его исторической фигурой. Летописи ничего не сообщают о нем, но они вообще сообщают нам весьма мало сведений о рязанской княжеской династии, в родословных таблицах рязанских князей то и дело попадаются пропуски и знаки вопроса. К тому же бездетность князей – явление весьма редкое и гораздо более заметное. С точки зрения христианского сознания дети – это благословение Божие человеку. А в отношении князя – это благословение не только ему, но и его уделу. Поэтому отсутствие в летописях указания на бездетность князя Юрия Ингваревича позволяет предположить, что дети у него были. Почему бы его сыну не носить имя Федор? Тем более что это имя не являлось редким в княжеских святцах. Его, к примеру, носил отец Александра Невского, князь Ярослав Всеволодович. Не исключено, что и рязанский княжич Федор имел помимо христианского и некое языческое имя вроде Олега или Святослава. Но мог и не иметь – как раз в этом поколении князей христианские имена начинают теснить языческие: из девяти детей все того же Ярослава Всеволодовича семеро носят христианские имена и лишь один – Ярослав (первый князь тверской) нехристианское, имя еще одного княжича осталось неизвестным³⁸.

Князь доставил икону в «область свою», то есть в город Красный на реке Осетре – нынешний Зарайск. Некоторые исследователи полагают, что князь только встретил икону,

³⁶ Святитель Ефросин Святогорец – второй епископ Муромской и Рязанской епархий. Его прозвище говорит о том, что он либо был греческим монахом со святой горы Афон, либо русским человеком, подвизавшимся там же. В любом случае его связь с Византией несомненна, что может служить еще одной причиной, почему Евстафий стремился с иконой именно в Рязань. По преданию, именно святитель Ефросин осуществил постриг в монашество муромского князя Давыда Юрьевича и его супруги, принявших в иночестве имена Петра и Февроньи.

³⁷ Буланкина Е. В. Старая Рязань – стольный город Древней Руси. Рязань: Изд-во Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, 2007. С. 9.

³⁸ Хрусталева Д. Г. Русь: от нашествия до «ига». СПб.: Евразия, 2004 (прилагаемые родословные таблицы).

но поместил ее не в своем крохотном городке, а в стольной Рязани. Однако ни один источник не сообщает о пребывании иконы в Рязани и о последующем переносе ее в Зарайск, так что логичнее в данном случае довериться сказанию и предположить, что икона действительно прибыла в городок на реке Осетре.

Для города приход иконы святителя Николая был не просто одним из событий, благодаря иконе Зарайск получил свое имя. Упомянутое выше название «Красный» не имеет подтверждения в источниках. Его часто используют в краеведческой и исторической литературе, и сейчас уже невозможно установить, кто, когда и на каком основании использовал его впервые. Возможно, оно встречалось в некоем не дошедшем до нас источнике, но могло быть и плодом чей-то фантазии.

Иные историки сомневаются в факте существования города, упоминания о котором отсутствуют в письменных источниках. Да и в «Повести» речь идет не о городе князя Федора Юрьевича, а об «области» его³⁹. Подробно рассмотревший вопрос времени возникновения города современный историк В. А. Кучкин пришел к выводу, что он был основан лишь в XVI веке, а до этого на его месте существовало село с церковью Николы Заразского⁴⁰.

Однако результаты археологических раскопок говорят о том, что долина реки Осетр была заселена еще в XII веке. Как известно, многие разоренные во время Батыева нашествия города не возродились и превратились в села или вовсе в пустое место. Иные поменяли место расположения, а некоторые были восстановлены в XVI–XVII веках (например, Курск).

Обстоятельства, при которых впервые упомянуто в летописях село с церковью Николы Зарайского, довольно нетривиальны: в 1509 году великий князь московский и всея Руси Василий III пожаловал церкви Николы Заразского село и три пустоши. С чего бы вдруг русский государь озаботился судьбой простого сельского храма? Но ведь его матерью была последняя из византийских принцесс Софья Палеолог и история храма, с которым была связана легенда о другой женщине «из царского рода», могла привлечь его внимание⁴¹.

В 1527 году произошел набег крымского царевича Алая, который сжег село вместе с другими населенными пунктами. И государь всея Руси проявляет личный интерес к восстановлению храма. В том же году вокруг церкви начинается строительство существующей и поныне каменной крепости, в 1533 году Василий III лично посещает новопостроенный город с целью помолиться у чтимой иконы. А к 1560-м годам относится и создание «Повести», в которой одним из источников послужили документы местного храма – списки священнослужителей и некоторые предания.

Могла византийская икона попасть в простое село? Возможно ли, что клир простой сельской церкви сохранил ценные местные исторические сведения? Конечно, этого исключать нельзя, но логичнее будет предположить, что город действительно существовал в домонгольское время, но погиб во время Батыева нашествия, а в XVI веке был восстановлен.

Интересный вопрос и о происхождении названия города. «Повесть» говорит о том, что свое название город получил от иконы, а икона в свою очередь от поступка княгини Евпраксии, которая убила – «заразилась» – вместе с сыном в 1237 году. Советские историки дружно критиковали эту версию, отвергая всяческую связь названия города и иконы.

³⁹ См., к примеру: Кучкин В. А. Ранняя история города Зарайска и проблема ее источников // Зарайск. Исторические реалии и легенды. М.: Древлехранилище, 2002. С. 40.

⁴⁰ Там же. С. 112.

⁴¹ Выскажем и еще одно предположение. А не происходила ли княгиня Евпраксия из рода Палеологов? Ведь автор «Повести» мог употребить выражение «из царского рода» в значении «из рода, который потом станет царским». Ничего невозможного в такой версии нет – в начале XIII века Палеологи занимают видное положение при дворе никейского императора. Можно предположить, что она из представительниц или родственниц этого семейства отправилась на Русь при посредничестве Евпатия Корсунского или Ефросина Святогорца.

По наиболее распространенному мнению, название произошло от глубоких оврагов – «заразов».

Однако исследования современных лингвистов частично подтвердили правоту автора «Повести». Подсказкой стала сама форма названия – Заразск, «Заразеск». Анализ письменных источников позволил выявить, что первоначально город назывался «что у Николы Заразского», «Никола Заразским» и лишь потом утвердилась упрощенная форма «Заразк», которая не без некоторых приключений трансформировалась в «Зарайск»⁴².

История России знает примеры, когда город получал название в честь иконы. И наиболее известный из них – Ростов-на-Дону. Он был основан в 1760 году как крепость Святителя Дмитрия Ростовского, потом название сократилось до Крепость Ростовская, а потом и вовсе до Ростова, а чтобы не вышло путаницы с древним городом, стали добавлять определение «на Дону», которое уже в советское время стали писать через дефисы.

Но откуда получила прозвище Заразской сама икона? Связка сюжета с самоубийством княгини Евпраксии и названием иконы в «Повести» действительно выглядит натянутой. Складывается впечатление, что автор произведения и сам не знал, почему икона получила свое название. В местной краеведческой литературе высказывалось мнение, что прозвище Заразской икона получила еще в Херсонесе, до перенесения на Русь. Что могло означать такое прозвище, сейчас уже установить сложно.

Остается вопрос – почему путь иконы завершился не в стольном Владимире, где так ценили византийское искусство, не в Рязани, где имелись привычные для нее каменные храмы, а в маленьком поселении, которое иные специалисты даже не считают возможным назвать городом?⁴³

Здесь возможны два объяснения – с православной точки зрения ответ дан в самом тексте «Повести»: *«Хочу здесь пребывать и чудеса творить»*, – сообщил князю святой Николай.

С сугубо рационалистической точки зрения можно предположить, что свою роль сыграл династический фактор. У правившего в те годы рязанского князя Ингваря Ингваревича⁴⁴ было три сына – Юрий, Роман и Олег. При отсутствии в живых братьев он должен был передать престол старшему из них – Юрию. В это время установленный при Ярославе Мудром порядок наследования от брата к брату уже неоднократно приводил к усобицам как на уровне великого княжения, так и на уровне отдельных княжеств. Князья стремились отойти от него в пользу более простой и логичной схемы наследования от отца к сыну. Именно поэтому Андрей Боголюбский выслал из своего княжества младших братьев – Михалко и Всеволода. Всеволод, став великим князем владимирским, фактически изгнал из своих владений сына самого Андрея, чтобы обеспечить престол своим детям.

Вполне возможно, что и Юрий Ингваревич также стремился обеспечить передачу рязанского стола своему сыну Федору и заранее готовил к этому подданных. Перенесение в удел сына чудотворной византийской иконы сопровождалось визитом в Красный и князя Юрия Ингваревича, и рязанского епископа Ефросина Святогорца, то есть было не только религиозным, но и политическим событием.

В этом же аспекте интересно рассмотреть вопрос и о женитьбе князя Федора Юрьевича. «Повесть» сообщает нам следующее: *«Спустя немного лет князь Федор Юрьевич*

⁴² См. подробно: Добродомов И. Г. Происхождение названия Зарайск в свете языковедческих данных // Зарайск. Исторические реалии и легенды. М.: Древлехранилище, 2002. С. 254 и далее.

⁴³ Водарский Я. Е. Основание Зарайска // Зарайск. Исторические реалии и легенды. М.: Древлехранилище, 2002. С. 234.

⁴⁴ В некоторых источниках он именуется Ингварием Игоревичем, или Ингварием Ингоревичем, или даже Игорем Игоревичем. Ниже вопрос о соотношении имен Ингварь – Ингорь – Игорь будет рассмотрен подробно, а пока просто отметим, что летописцы то смешивали эти имена, то, напротив, пытались разделить.

сочетался браком, взяв супругу из царского рода именем Евпраксию. И вскоре и сына родил именем Ивана Постника».

В отечественной исторической науке и особенно в исторической публицистике сложилась традиция считать супругу князя Федора Евпраксию гречанкой, возможно, византийской принцессой. Основанием для этого служит одна-единственная фраза в источнике – «из царского рода». Царями в древнерусской летописной традиции называли только византийских императоров.

Нам известно несколько подобных браков. Помимо князя Владимира, Крестителя Руси, на византийских принцессах были женаты его внук князь Всеволод Ярославич (отец Владимира Мономаха), его правнук Олег Святославич, прозванный Гориславичем (правда, потомства от этого брака не было), и его праправнук князь Юрий Долгорукий (от этого брака родился Всеволод Большое Гнездо). В этом списке перед нами исключительно великие князья всея Руси или претенденты на этот титул. Удельный князь маленького городка на Осетре, пусть и собирающийся в будущем занять рязанский стол, – не самая подходящая по знатности кандидатура. Заключая браки с русскими князьями, императоры ромеев одновременно заключали с ними же и военно-политические союзы. Княжество Рязанское при всей удали своих дружин и князей вряд ли могло оказать хоть какую-то помощь Византии. Да ведь и Византии тогда не было! Были три империи, отчаянно боровшиеся друг с другом. Но даже в этой ситуации придворные хронисты не теряли из виду судьбы императорских дочерей – они все известны историкам. В интересующее нас время нет никаких сведений о браках с русскими князьями, да и имя Евпраксия не встречается.

Впрочем, автор «Повести» не написал «царевна», а применил более обтекаемую формулировку – «из царского рода». Как известно, в Византийской империи правило, сменяя друг друга, несколько императорских династий. Поэтому для русских князей представительницей «царского рода» могла быть любая знатная гречанка, которая на родине о столь высоком титуле и не помышляла. Вполне возможно, что визит князя Юрия в Красный после перенесения иконы сопровождался не только храмостроительством, но и консультациями относительно выбора невесты для сына. Несколько лет с момента перенесения иконы до женитьбы князя Федора – вполне достаточный срок для проведения переговоров и доставки невесты из Причерноморья в рязанские земли.

Женитьба на представительнице рода византийских государей должна была еще более укрепить положение князя Федора как наследника рязанского престола. Далеко не все в Рязанском княжестве были довольны таким поворотом событий, что и сказалось впоследствии.

Связь Рязанского княжества с византийскими государствами подтверждают и данные археологии. В ходе раскопок в Старой Рязани среди печатей конца XII века была обнаружена и византийская, с изображением композиции Успения⁴⁵.

Таким образом, в «Повести о Николе Зараском» описываются реально существовавшие контакты Рязанского княжества и византийских государств. И именно в этом источнике мы встречаем единственное упоминание о человеке с именем Евпатий, которое употребляется только в Северном Причерноморье, то есть на землях, принадлежавших в то время Трапезундской империи. Можно предположить, что появление в Рязани Евпатия связано с историей перенесения иконы Николы Зараского и женитьбой князя Федора. В пользу греческого происхождения Евпатия говорит и сохранившееся в одном из списков «Повести» упоминание его отчества – Львович. Имя Лев, весьма популярное среди византийской знати (одних императоров с таким именем было шесть), на Руси встречалось довольно редко. Конечно, возможно, что отчество возникло в списке (к тому же довольно позднем) под влиянием фан-

⁴⁵ Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ, 1995. С. 49–50.

тазии переписчика, но даже если и так, то он чем-то руководствовался, выбирая именно это имя. Не сведениями ли о византийском происхождении героя?

Обратим внимание на то, что автор «Повести» титулует Евпатия как «вельможу рязанского». Слово «вельможа» в древнерусском языке имело примерно то же значение, что и сейчас, и обозначало знатного, приближенного к власти человека. Однако и тогда оно являлось не титулом, не званием, а скорее определением. Почему автор именно так назвал своего героя? Кстати, историки, говоря о подвиге Евпатия, часто именуют его или боярином, или воеводой. Но первый из этих титулов имеет весьма конкретное содержание, а у нас нет информации о том, что Евпатий был боярином рязанских князей. Воеводой его, безусловно, можно назвать, так как это слово может употребляться в значении «полководец», но в Древней Руси оно имело и более конкретное значение – название должности, и опять у нас нет никаких сведений о том, что Евпатий эту должность занимал.

Надо также отметить, что для средневекового человека титулы и звания не были пустым звуком, а имели огромное значение, определяя место человека и его потомков в социальной структуре общества. Как раз во время создания «Повести» в XVI веке вопрос о титулах и званиях приобрел огромное значение ввиду утверждения системы местничества. Почему же автор произведения назвал Евпатия предельно неконкретным титулом – «вельможа рязанский»?

Возможно, что автор счел слово «вельможа» наиболее подходящим с фонетической или литературной точки зрения. Этот аспект имел большое значение при написании «Повести», недаром исследователи отмечают ее высокие литературные достоинства, особенно сюжета, посвященного Евпатию. В пользу этой версии говорит другой пример этого слова в тексте – в эпизоде переговоров князя Федора Юрьевича с Батыем о его супруге рассказывает «по зависти» «некто из вельмож рязанских».

С другой стороны, употребление термина «вельможа» может быть объяснено тем, что автор сам оставался в неведении относительно реального звания своего героя. Ведь он писал через триста лет после событий, и сведения до него дошли самые отрывочные. Свойственная XVI веку строгость в терминологии не позволили ему фантазировать, а потому он и использовал слово, не имеющее конкретного наполнения.

И наконец, возможен и следующий вариант, именно так – «вельможа рязанский» – был поименован Евпатий в первоисточнике автора (например, в синодике), а произошло это потому, что Евпатий не имел какого-то русского титула или звания, но занимал при этом высокое положение при рязанских князьях⁴⁶. Это, в свою очередь, может быть объяснено его родственными связями с княгиней Евпраксией. Можно допустить, что он приходился ей отцом или братом. Можно также предположить, что, пребывая в Рязани, Евпатий использовал свой титул, полученный в Трапезундской империи. Как известно, номенклатура византийских титулов и званий весьма обширна, и подобрать точный аналог на Руси не смогли, вот и обозначили общим термином «вельможа».

Обратимся к прозвищу Евпатия. Слово «коловрат» является столь же редким в древнерусском языке, как и имя Евпатий. Оно, безусловно, славянского происхождения и встречается в западных славянских языках (но об этом позже). В современной исторической и националистической публицистике получило широкое распространение мнение, что словом «коловрат» в Древней Руси называли гамматический крест – свастику. Действительно, свастика в самых разных формах довольно широко использовалась в древнерусском прикладном искусстве. Но у филологов и историков языка нет никаких сведений, что ее называли

⁴⁶ Примечательно, что неизвестный автор «Повести о гибели Русской земли», созданной в XII веке, проводит четкое различие между боярами и вельможами – «князьями грозными, бояры честными, вельможами многими – всего еси исполнена земля Руская». Князья, бояре и вельможи здесь не просто перечислены, но и для каждой группы следует свой отдельный эпитет.

коловратом. Более того, свастика в орнаментах – это статичный символ, схожий со многими солярными. Слово же «коловрат» подразумевает вращение, чего от свастики требовать сложно.

В русском языке зафиксировано два значения слова «коловрат». Наиболее старое из них подразумевает употребление слова в виде прилагательного – «коловратный» – и говорит о сложности, переменчивости и трагичности. Например, коловратная судьба.

Второе значение зафиксировано в словаре Даля как форма слова «коловорот» – инструмент для сверления дыр.

В нашем случае, скорее всего, имеет место первое значение. В самом деле, если Евпатий был вельможей при дворе византийских императоров в Константинополе, после разгрома этого города нашел пристанище в Трапезунде, а оттуда перебрался на Русь, судьба и впрямь получается коловратная.

Еще раз напомним, что все приведенные выше построения относительно судьбы Евпатия Коловрата – не более чем предположения, имеющие под собой весьма шаткие основания или не имеющие их вовсе.

Итак, Евпатий и Евпраксия, подобно многим своим соотечественникам, прибыли на Русь в надежде обрести здесь новую родину, прочное и надежное убежище. И действительно, на фоне захваченного крестоносцами Константинополя, балансирующих на грани выживания Трапезундской и Никейской империй княжества Северо-Восточной Руси казались оплотом стабильности и православной веры. Так казалось до рокового 1237 года.

Но прежде чем рассмотреть события, принесшие нашему герою бессмертие, бросим взгляд на его новое отечество.

Глава 3. Русская Троя

Примерно в трехстах верстах от Москвы на высоком берегу Оки уже почти восемь веков находится место, где когда-то был город. Город, полный тайн и загадок, от времени возникновения до происхождения названия. Известно, например, что здесь правили князья, но место княжеского терема по сию пору не найдено. Археологи нашли остатки трех каменных соборов, но кто и когда их построил – точно неизвестно. Город был взят и сожжен войском злочестивого Батые, как и многие другие русские города, но, в отличие от других княжеских столиц, не был восстановлен, а был почти сразу же заброшен. В этом городе были найдены сокровища, не уступающие по красоте и ценности найденным в Трое великим Шлиманом, но мы даже не можем представить себе, кому они принадлежали.

В наши дни место, где был когда-то город, обозначено на картах как городище Старая Рязань. Старой ее стали называть относительно недавно, в XVIII веке, когда имя Рязань окончательно закрепилось за городом Переславлем-Рязанским, что начиная с XIV века стал стольным градом рязанских земель.

Валы Старого города сохранились и поныне. Белоснежные зимой и поросшие густой травой летом, они по-прежнему обозначают его границы. Никаких других строений на территории городища нет – путник видит лишь руины храма, построенного в начале XX века на месте древнего Борисоглебского собора и разрушенного большевиками, да будку охраны, что присматривает за соблюдением порядка. Городище официально является национальным археологическим памятником, по которому запрещено ездить на машинах, разводить костры, вести самостоятельные раскопки и т. п. Но просто посещать территорию древнего города не возбраняется. Самая древняя часть городища – узкий высокий холм, обозначенный на схемах как кром, – занята кладбищем. Последнее обстоятельство не позволяет вести там археологические раскопки, к большому разочарованию ученых.

Когда стоишь на валу городища, или смотришь с высокого берега Оки, или подходишь к раскрытому археологами фундаменту Спасского собора, испытываешь острое чувство сопричастности к истории. Много таких мест в России – и Бородинское поле, и Троице-Сергиева лавра, и Соловецкий монастырь, и Дворцовая площадь в Санкт-Петербурге, и невысокий холм рядом с селом Радонеж. Несть им числа. Но все-таки Старая Рязань – место особенное. Это символ нашей национальной трагедии, нашей вечной боли и скорби. Только одно такое еще есть в России – Ганина Яма под Екатеринбургом, место второй русской катастрофы. В Ганиной Яме ежегодно бывают тысячи паломников со всех концов России, в Старой Рязани – редкие любители истории и путешественники. Летом каждый год работает археологический лагерь...

Впервые археологи пришли сюда в 1822 году. Незадолго до этого крестьяне Ефимовы при обычной пахоте неожиданно наткнулись на золотые бляхи, бусы, медальоны – всего более 50 золотых вещей, получивших название Рязанского клада. В его состав входили и знаменитые бармы, которые ныне можно видеть в экспозиции Оружейной палаты Московского Кремля. Крестьяне сдали находку «по начальству» и были вознаграждены денежной суммой и освобождением от крепостной зависимости. Находка оказалась весьма своевременной: первая четверть XIX века была временем пробуждения интереса русского общества к истории Отечества, а особенно – к истории Древней Руси. Можно предположить, что клады на рязанском городище находили и ранее, но они остались неизвестными.

Подробно историю археологических работ в Старой Рязани в дореволюционное время описал советский историк Александр Львович Монгайт в своем фундаментальном труде «Старая Рязань», вышедшим в 1955 году⁴⁷.

Уровень раскопок в городище возрастал вместе с развитием русской археологии. Если первоначально копали в основном любители и кладоискатели, то в 1884 году была создана Рязанская ученая архивная комиссия (РАУК), действовавшая при поддержке Императорского археологического общества. Она наладила систематизацию работ и хранение материалов раскопок. Профессиональные и любительские раскопки продолжались на городище вплоть до Первой мировой войны.

Конечно, методы работы дореволюционных археологов соответствовали уровню науки их времени, то есть были весьма несовершенными с современной точки зрения, но ведь то же самое скажут археологи XXII века про работу нынешних ученых – увы, но эта проблема не имеет решения⁴⁸.

Первая мировая война и особенно революция нанесли сильнейший удар по изучению прошлого России, что в полной мере сказалось и на изучении Старой Рязани. Были утрачены не только многие частные коллекции, но и результаты работы профессионалов, раскопки почти полностью прекратились, лишь в 1926 году были проведены небольшие работы силами Московского исторического и Рязанского краеведческих музеев, но они были прерваны в следующем году⁴⁹.

Систематические раскопки возобновились в 1945 году и продолжались до 1950 года, когда снова были прерваны по независящим от ученых причинам. Возобновились они в 1966 году совместными усилиями Института археологии Академии наук и Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, в котором хранится большая часть найденных артефактов⁵⁰. Эти раскопки с небольшими перерывами продолжаются и по настоящее время. Но хотя археологи работают в Старой Рязани уже почти два века (а это дольше, чем в той же Трое), очень многое в истории города остается неизвестным.

Например, неизвестно, где находился двор рязанских князей. Почему так странно – на противоположных концах города – расположены каменные храмы? Что находилось в Верхнем городе – княжеский детинец, как предполагал А.Л. Монгайт, или просто наиболее древняя часть поселения, как считает В. П. Даркевич?

Наиболее полное описание истории города по результатам археологических раскопок содержится в изданной отделом славяно-русской археологии Института археологии Российской академии наук монографии В. П. Даркевича и Г. В. Борисевича «Древняя столица Рязанской земли»⁵¹. Как установили археологи, наиболее вероятное время возникновения города –

⁴⁷ При этом свой очерк А. Л. Монгайт начал с уничижительной ремарки в адрес археологов Российской Империи: «Буржуазная историография в старой, дореволюционной России мало интересовалась историей русских городов. Соответственно и археологические раскопки были несистематичны, случайны, носили любительский характер и вследствие своей плохой методики дали науке меньше, чем могли бы дать». Вряд ли профессиональный археолог столь пренебрежительно относился к опыту и результатам работы своих дореволюционных коллег, но таковы были требования идеологической системы, не допускавшей отступлений даже в такой сугубо материальной области, как археология.

⁴⁸ А. Л. Монгайт все же нашел возможность на страницах своей книги отдать должное предшественникам: «*Необходимо отметить заслуги рязанских краеведов Тихомирова, Селиванова и Черепнина. Эти самоотверженные труженики, "поощряемые исключительно любовью к родному краю и уважением к науке", делали большое и полезное дело. Можно, конечно, говорить о том, что научный уровень их раскопок был недостаточно высок, но это можно сказать о любых раскопках прошлого века. Прогресс археологии невозможен без раскопок, а методика неизменно устаревает. Поэтому нельзя осуждать того, кто в свое время произвел раскопки методом менее совершенным, чем современный. Многие бы погибли для науки, если бы не труды рязанских краеведов*».

⁴⁹ Монгайт А. Л. Старая Рязань. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 2–12.

⁵⁰ Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ, 1995. С. 11.

⁵¹ Эта книга увидела свет в 1995 году, но ее крошечный тираж (увы, обычный для российских научных изданий) сделал ее библиографической редкостью. Об этом можно только пожалеть, ибо монография не только обладает высокой научной

50–60-е годы XI века. С момента возникновения основу населения города составляли переселенцы из Южной Руси. Поначалу здесь не было собственной княжеской династии, и город управлялся вечевым порядком⁵².

В летописях он впервые упоминается в 1096 году. В ходе очередной междоусобной войны между потомками Ярослава Мудрого князь Олег Святославич потерпел неудачу под Смоленском и «иде к Рязаню». В том же 1096 году сын Мономаха Изяслав Владимирович «пришед, сотвори мир с рязанци»⁵³.

Рязань входила в состав древнего Муромского княжества, где правили потомки Святослава Ярославича. В некоторых исторических произведениях рязанских князей называют Ольговичами (то есть потомками Олега Святославича), но это неверно – их род идет от младшего брата Олега князя Ярослава Святославича⁵⁴.

Первый собственный князь появляется в городе в 1129 году. Им стал сын муромского князя Святослав Ярославич. Первоначально Рязань является уделом древнего Муромского княжества, где правят младшие братья или сыновья великого князя. Территория города к тому времени несколько расширилась – помимо крома, появился Средний город, и общая площадь поселения составила около 7,5 га. По подсчетам специалистов, в таком городе могли жить от 1200 до 2000 человек⁵⁵.

Д. И. Иловайский характеризует жителей города и княжества как людей активных, но с грубым нравом и даже некоторой дикостью. Только такие и могли ужиться на границе Руси и степи. *«Отсутствие безопасности и непрерывный страх потерять свое имущество, свободу и жизнь, конечно, оказывали неблагоприятное влияние на нравственное и материальное благосостояние народа»*. Под стать населению были и князья, которых историк характеризовал как самую *«воинственную и беспокойную ветвь, в то же время самая жестокую и коварную; нигде не были так часты нарушение крестного целования, измены и злодейства между близкими родственниками»*⁵⁶. А от них не отставали и бояре с дружиной – за XII век историкам известны имена четырех рязанских тысяцких – начальников городского ополчения. Первый из них упоминается по случаю успешной победы над половцами, трое остальных – по поводу собственной безвременной кончины от рук убийц.

ценностью, но и написана простым и понятным языком, доступным не только специалисту, но и любому любителю истории.

⁵² Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Указ. соч. С. 29.

⁵³ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. СПб.: Наука, 2002. С. 180.

⁵⁴ Хрусталева Д. Г. Русь: от нашествия до «ига». СПб.: Евразия, 2004 (прилагаемые родословные таблицы).

⁵⁵ Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ, 1995. С. 29.

⁵⁶ Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М.: Университетская типография, 1858. С. 118.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.